

законъ Моисеевъ объ этомъ и истолковать его и—потомъ напомнить древній обычай Іудеевъ; во всякомъ случаѣ, вымысль двоихъ сыновъ Елимелеха, умершихъ бездѣтными, и всей остальной исторіи представляется безцѣльнымъ.—Возвеличить славу Давидова дома показаніемъ, что онъ происходилъ отъ Моавитянки—странно, а потому вымысль также была бы безцѣленъ; точно также и для послѣдней цѣли не стоило измышлять этой исторіи.—Да и нельзя было измыслить ея, потому что жители Виелеема, еслибы не было этихъ событій на самомъ дѣлѣ, могли бы свидѣтельствовать противъ книги и—поколебать довѣріе къ ней, чего, однакоже, не видимъ.—Достоверность ея, значить, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

IV. О первой и второй Книгахъ Царствъ.

Четыре книги Царствъ, содержащіяся въ нашемъ канонѣ, у Евреевъ составляли только двѣ книги: одна заключала наши первыя двѣ книги царствъ и извѣстна была подъ названіемъ *Sepher Schamuel*, „книга Самуилова,“ получивъ такое названіе отъ Судьи Самуила, жизнеописаніемъ котораго она начинается, а можетъ быть, и отъ того, что онъ частію написалъ ее, а другая книга извѣстна была подъ названіемъ *Vehamelek Dawid*,— по начальнымъ словамъ этой книги, позднѣе ее называли просто *Melachim*.—LXX раздѣлили эти двѣ книги на 4, по двѣ въ каждой, и—наименовали ихъ первую, второю, третью и четвертою Книгами Царствъ, потому что въ нихъ изображаются судьбы Еврейскаго народа въ продолженіе времени, когда имъ управляли цари.—Это раздѣленіе и названіе перешли и во всѣ переводы, сдѣланные съ перевода LXX.—Что первыя двѣ книги царствъ, подлежащія теперь разсмотрѣнію, потому составляли одну, подъ названіемъ книги Самуила,—объ этомъ свидѣлствуютъ Флавій, Мелитонъ, Оригенъ и Іеронимъ и др.

Первая Книга Царствъ содержитъ въ себѣ въ хронологическомъ порядкѣ повѣствованіе о событіяхъ, случившихся въ продолженіе около 100 лѣтъ, при Судяхъ Иліи и Самуилѣ и при царѣ Саулѣ.—Писатель начинается съ того, чѣмъ оканчивается книга Судей, и оканчиваетъ сказаніемъ о смерти Саула. Содержаніемъ второй Книги Царствъ служитъ повѣствованіе о царствованіи Давида, сначала надъ однимъ Іудою и потомъ надъ Израилемъ, и событіяхъ, бывшихъ въ это время—

въ продолженіе 40 лѣтъ; описаніе событій доводится въ ней до послѣднихъ дней жизни Давида.

Такъ какъ книги Царствъ представляютъ устройство и развитіе царства въ Еврейскомъ народѣ, равно какъ усиленіе и могучее дѣйствіе Пророковъ: то онѣ по праву занимаютъ въ канонѣ Библейскихъ книгъ мѣсто непосредственно послѣ осмикнижія, котораго содержаніемъ служитъ изображеніе развитія Еврейскаго народа подъ управленіемъ вождей и Судей. Онѣ показываютъ, какъ Израильское царство возникло, достигло до величайшей степени славы, но потомъ мало по малу стало упадать, блескъ его — затемняться, порча правовъ усиливаться, отступленіе отъ Іеговы и непокорность Ему принимать все большіе и большіе размѣры; какъ Пророки, по мѣрѣ того, какъ усиливалось беззаконіе, претили народу, грозили ему бѣдствіями, привлекали народъ къ закону, но съ малымъ успѣхомъ, пока, наконецъ, народъ постигнуть былъ предрекаемымъ великимъ бѣдствіемъ, плѣномъ Вавилонскимъ. Въ первой книгѣ, послѣ сказаній о великой личности Самуила, при которомъ совершился этотъ политическій переворотъ Еврейской народности, который одно основалъ, другому далъ великое, могучее развитіе, — исторія Саула и Давида соединяются въ одно цѣлое, съ постояннымъ напоминаніемъ или указаніями на то, какъ послѣдній во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ стремился осуществить законъ Моисеевъ, и какъ Іеговъ угодны были его дѣла; остальные книги, повѣствуя о прочихъ царяхъ, постоянно какъ бы имѣютъ въ виду идеалъ этого теократическаго царя, и отношеніемъ поступковъ ихъ къ дѣйствіямъ этого царя измѣряютъ ихъ нравственное достоинство, порицаютъ ихъ или хвалятъ. — Чѣмъ бѣдственнѣе въ религіозномъ и политическомъ отношеніи былъ кризисъ, пережитый Израилемъ въ послѣднее порабощеніе ихъ Филистимлянами, когда народъ лишенъ былъ даже святыни своей, находившейся хотя краткое время въ рукахъ побѣдителей, чѣмъ значительнѣе уже поэтому начата Самуиломъ эпоха для духовнаго и внѣшняго развитія народа Божія, тѣмъ подробнѣе изображаются судьбы народа въ это время, тѣмъ полнѣе можно по нимъ объять и понять этотъ періодъ развитія Еврейской религіи и народности.

Нѣкоторые изъ новыхъ толкователей думаютъ, что всѣ четыре книги Царствъ принадлежатъ одному писателю, который привелъ въ одинъ составъ частныя сказанія Пророковъ, записывавшихъ случившіяся событія, иное опустилъ, иное при-

бавиль, и издалъ книги въ ихъ настоящемъ видѣ. Они ссылаются въ подтвержденіе или, лучше, въ основаніе своей догадки на LXX-ть, которые, считая все это твореніе за одно цѣлое, за одну книгу, раздѣлили ее на 4 отдѣла, подъ общимъ названіемъ Книгъ Царствъ; далѣе — на неоконченность во 2-й Книгѣ Царствъ исторіи Давидова царствованія, потому что его предсмертныя, послѣднія распоряженія — объявленіе наследникомъ своимъ Соломона, совѣты ему въ управленіи, равно какъ и его смерть въ этой книгѣ не описываются, а описываются они въ началѣ третьей книги, чего, говорятъ, не могло бы быть, если бы писатели ихъ были различны; писатель первыхъ двухъ Книгъ Царствъ, жившій около времени Соломона, написалъ бы всю исторію Давида, предоставивъ преемнику говорить прямо о царствованіи Соломона. Потому-то, говорятъ, нѣкоторые изъ древнихъ толкователей, напр., Θεодоритъ и Діодоръ Тарсійскій присоединяли первыя главы третьей Книги Царствъ къ концу второй книги. Наконецъ, въ доказательство, что всѣ четыре книги составляли одно твореніе, ссылаются на тѣсную связь окончанія второй Книги Царствъ съ началомъ третьей. Если во всѣхъ этихъ книгахъ, въ которыхъ излагается исторія великихъ переворотовъ народности Еврейской почти во всѣхъ отношеніяхъ, болѣе важна самая эта исторія, чѣмъ изслѣдованіе о лицахъ изложившихъ ее: то, однакоже, ради оправданія того постояннаго преданія, что всѣ эти четыре книги составляли не одну, а дѣѣ, и происходятъ отъ разныхъ писателей, не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ въ пользу этого преданія и въ опроверженіе доводовъ новой гипотезы. Поступокъ LXX-ти, которые раздѣлили на 4 отдѣла всю исторію царей, не показываетъ того, чтобы они считали всю ее за одну книгу, принадлежащую одному писателю; скорѣе можно думать, что они и раздѣлили потому, что не считали всю ее принадлежащею одному писателю, а — многимъ, что, можетъ быть, и справедливо, какъ увидимъ далѣе. Во всякомъ случаѣ, это — не основаніе или основаніе не твердое для гипотезы, особенно когда съ нимъ сопоставить древнее Іудейское преданіе, что эти четыре книги первоначально составляли дѣѣ, а не одну. Если исторія Давида во второй книгѣ не окончена, — нѣтъ описанія его послѣднихъ дней и смерти; то и это не свидѣтельствуетъ о единствѣ писателя второй и третьей книги и остальныхъ; въ поясненіе этого нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что писатель дѣѣствительно хотѣлъ окончить книгу тѣмъ, чѣмъ

окончилъ; ибо, приступая къ описаніямъ послѣднихъ происшествій Давидова царствованія, которыми заканчивается его книга, онъ говоритъ: *и сія словеса Давида послѣдняя* и пр. (23, 1). Что въ началѣ третьей Книги Царствъ повѣствуется о Давидѣ, о послѣднихъ дняхъ его жизни, это принадлежитъ уже столько же къ исторіи его правленія, сколько и его наслѣдника; это составляетъ необходимое вступленіе въ исторію новаго царствованія и болѣе указываетъ на другаго писателя этой книги, чѣмъ на одного съ предшествующею; или, по крайней мѣрѣ, столько же указываетъ. Тѣсная связь начала третьей съ концомъ второй Книги Царствъ ничего не свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго мнѣнія: потому что начало всѣхъ книгъ историческихъ или, по крайней мѣрѣ, большей части изъ нихъ всегда тѣсно бываетъ связано съ окончаніемъ предшествующей книги; т. е., большая часть историческихъ книгъ начинаются съ того, чѣмъ оканчивается предшествующая; да это такъ и должно быть, потому что ведется непрерывная исторія Еврейскаго народа. Это доказательство рѣшительно ничего не доказываетъ противнаго древнему преданію о раздѣленіи цѣлаго на двѣ книги. Напротивъ, обѣ эти книги, т. е., первая и вторая, какъ одна, и 3 и 4-я, какъ одна,—хотя онѣ имѣютъ одинаковую цѣль, различаются между собою довольно ясно тѣмъ, что въ послѣдней хронологическихъ данныхъ находится болѣе и они опредѣленнѣе, точно также часто указывается на источники, изъ которыхъ писатель почерпалъ свои свѣдѣнія. Конечно, это различіе не очень важно и достаточно можетъ быть объяснено болшею подробностію повѣствованій о Давидѣ въ книгахъ Самуиловыхъ, при чемъ не было необходимости часто указывать на источники, какъ въ послѣднихъ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ, въ которыхъ передаются болшею частію только извлеченія изъ источниковъ. Но, однако же, это различіе заслуживаетъ вниманія; во всякомъ случаѣ, оно составляетъ значительное препятствіе—признавать единство первоначальное всѣхъ книгъ царствъ и единство ихъ писателя, потому что позволяетъ заключать о болшей древности первыхъ двухъ, чѣмъ послѣднихъ двухъ книгъ, именно, что читатели первыхъ двухъ книгъ близки по времени были къ описываемымъ событіямъ и знали о нихъ, а потому и не нужно было ссылаться на источники. Во всякомъ случаѣ, древнее преданіе о раздѣленіи всей этой исторіи на двѣ книги и различіи писателей стоитъ твердо противъ этихъ новыхъ

возраженій; оно выше ихъ. На это же раздѣленіе указываетъ, какъ увидимъ, то, что писатель или писатели первыхъ двухъ книгъ жили гораздо ранѣе плѣна, по указаніямъ этихъ самыхъ книгъ; а если считать одного писателемъ всѣхъ ихъ: то время его жизни нужно отнести ко временамъ плѣна, потому что до этого времени въ нихъ доводится исторія.

Такъ же не трудно оправдать противъ новыхъ гипотезъ другое мнѣніе въ которыхъ изъ древнихъ, что писатель первой книги Царствъ въ настоящемъ ея составѣ, до 24-й главы, есть Самуиль, а остальной части этой книги и всей второй Нааанъ и Гадъ.—Это мнѣніе основывается на показаніяхъ книги царствъ, что Самуиль написалъ въ книгѣ *оправданія царствія и положилъ ее предъ Господемъ* (1. 10, 25), потомъ—на указаніяхъ книги Паралипоменонъ, что *слова царя Давида первая и послѣдняя записаны Самуиломъ видящимъ, Нааномъ Пророкомъ и Гадомъ видящимъ* (1 Пар. 29, 29) и—наконецъ, на догадкѣ, что Самуилу, какъ великому Пророку и современнику великихъ происшествій, и слѣдовало записать ихъ для будущихъ родовъ.—Противъ перваго основанія замѣчаютъ, что *оправданія царствія* вовсе не то, что исторія царей, хотя бы и первыхъ; Самуиль написалъ въ книгу права царей, которыхъ просилъ себѣ у Самуила народъ. Самуиль, какъ извѣстно, долго противился народу, представлялъ ему, какія права будетъ имѣть надъ ними царь (1. 8, 11—18), и когда народъ не хотѣлъ послушаться его, онъ поставилъ имъ царя, но записалъ права его надъ ними въ книгѣ,—можетъ быть, тѣ, какія изложены имъ въ рѣчи къ народу, или же въ болѣе пространномъ видѣ, на основаніи закона Моисеева о царяхъ.—Но во всякомъ случаѣ, это сказаніе не доказываетъ того, чтобы Самуиль самъ написалъ 24 главы первой книги Царствъ: ибо въ нихъ говорится не о правахъ царей, а во первыхъ, излагается исторія жизни самого Самуила; потомъ—обстоятельства царствованія несчастнаго Саула и первое помазаніе на царство Давида. И—намъ кажется—это справедливо.—Противъ втораго основанія древняго мнѣнія—что въ книгѣ Паралипоменонъ указывается на Самуила, Нааана и Гада, какъ писателей исторіи Давида,—говорятъ: дѣйствительно, это указаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что помянутыя лица писали исторію Давида; но та ли эта исторія, которая помѣщена въ первыхъ двухъ книгахъ Царствъ? Въ книгахъ Паралипоменонъ указывается и на др. книги, которыя не дошли до насъ—на лѣтописца царскаго,

на книгу царей іудиньхъ, на книгу царей Израилевыхъ, на книгу царей іудиньхъ и Израилевыхъ вмѣстѣ;—не въ такомъ ли же смыслѣ нужно принимать указаніе и на исторію царствованія Давида, описанную Самуиломъ, Наѳаномъ и Гадою? Дошли ли они до насъ? Въ настоящемъ ли видѣ они помѣщены въ нашихъ книгахъ Царствъ, можетъ быть исправлены, пополнены или съ выпусками? Нѣтъ положительныхъ данныхъ, чтобы въ книгѣ Паралипоменонъ указывалось именно на книги Царствъ, какъ на исторію Давида, описанную упомянутыми лицами. Такъ возражаютъ новые изслѣдователи,—и намъ кажется—слабо. Вопросы—еще не доказательства, восклицанія—не свидѣтельства; умолчаніе книги Паралипоменонъ о томъ, на помѣщенную ли въ нашихъ книгахъ Царствъ исторію Давида, описанную Наѳаномъ, Гадою и Самуиломъ—указываетъ книга Паралипоменонъ—не опора.—Изъ указанного мѣста книги Паралипоменонъ видно, что Самуилъ дѣйствительно писалъ исторію Давида, равно Наѳанъ и Гадъ и—кто же докажетъ, спросимъ мы въ свою очередь, что это не та исторія, которая помѣщена въ нашихъ книгахъ Царствъ? Отрицательнаго отвѣта нельзя дать съ увѣренностію. А если представить, что едва ли кто осмѣлился бы исправлять эту Исторію, написанную однимъ изъ великихъ Пророковъ того періода съ двумя учениками, то перевѣсъ останется на той сторонѣ, что эта исторія, написанная Самуиломъ, Наѳаномъ и Гадою, дѣйствительно, та, которая помѣщена въ нашихъ книгахъ Царствъ.—Что многіе изъ цитируемыхъ въ книгахъ Паралипоменонъ источниковъ не дошли до насъ въ ихъ видѣ,—это вовсе не доказательство того, что и исторія Давида, написанная упомянутыми лицами, не дошла также до насъ; потому тѣ и не дошли, что писаны были не такими важными лицами, каковы эти великіе Пророки; потому они и могли затеряться, что не пользовались такимъ уваженіемъ, какимъ могли и должны были пользоваться эти.—Значитъ, это основаніе древняго мнѣнія тверже возраженій новѣйшихъ.—Последнее основаніе древняго мнѣнія—догадка, что Самуилу, написавшему исторію Давида, нужно было написать исторію и предшествовавшаго ему царя, равно какъ и обстоятельства, предшествовавшія избранію царя, т. е., обстоятельства собственнаго управленія народомъ въ качествѣ Судіи, остается, конечно, догадкою, впрочемъ весьма вѣроятною. Въ самомъ дѣлѣ, и важнѣйшія обстоятельства времени, въ которое происходилъ Государственный переворотъ въ народѣ Еврейскомъ,

и высокое значеніе Самуила въ это время, какъ главнаго дѣйствующаго лица, и, наконецъ, историческая послѣдовательность событій, по которой, написавъ исторію втораго царя, нельзя было не написать и исторію перваго, равно и предшествовавшихъ этому перевороту обстоятельствъ, невольно склоняютъ мысль на то, что въ самомъ дѣлѣ Самуиль описалъ эту исторію. Конечно, нѣтъ положительныхъ данныхъ на то, чтобы эта исторія была именно та, которая содержится въ первой книгѣ Царствъ вашей; но, опять, нѣтъ причинъ и думать, чтобы эта исторія была не та, а соображенія, высказанныя при взглядѣ на предъидущія основанія, опять склоняютъ мысль на то, что едвали бы кто рѣшился исправлять исторію, написанную великимъ Пророкомъ, — и сдѣлаютъ вѣроятною догадку, что эта исторія и есть именно помѣщенная въ нашей книгѣ Царствъ, и что, слѣдовательно, дѣйствительно первыя 24-ре главы — до сказанія о смерти Самуила, — написаны самимъ Самуиломъ, а все остальное — до конца второй книги — есть произведеніе Наѳана и Гада. — Не потому ли, замѣтимъ здѣсь, въ этихъ двухъ первыхъ книгахъ Царствъ не встрѣчается такихъ указаній на источники, изъ которыхъ почерпали писатели свои свѣдѣнія, какія находятся въ двухъ остальныхъ книгахъ Царствъ и книгахъ Паралипоменонъ, — не потому ли, что имъ не на что было сослаться, что они первые описали это время, что они сами первоисточники, на которые и сосылается книга Паралипоменонъ. Положительный отвѣтъ не лишенъ вѣроятности.

Но противъ этого древняго мнѣнія о писателяхъ первыхъ книгъ царствъ говорятъ еще слѣдующее: а) Характеръ и слогъ обѣихъ книгъ царствъ указываетъ на одно лице, писавшее эти книги. Но характеромъ и слогомъ книгъ доказывать единство ихъ писателя вообще довольно трудно и опасно и — къ этому доказательству можно прибѣгать лишь въ случаяхъ безспорной очевидности, а въ случаѣ спора тотчасъ же можно вдатся въ крайности. Вѣдь доказываютъ же единствомъ слога единство писателя всѣхъ четырехъ книгъ Царствъ, и — одважью тѣмъ же аргументомъ, только съ противной стороны, доказываютъ различіе писателей тѣхъ и другихъ книгъ и — такіе же ученые, какъ и ихъ противники. И опять — различіемъ слога въ первой и второй книгахъ Царствъ доказываютъ различіе ихъ писателей. Вообще, это доказательство лишь относительное, доказательство при другихъ и — въ ряду доказательствъ первое мѣсто ему принадлежать не можетъ.

Доказанному оно придаетъ силу; но въ основаніе доказательствъ его ставить нельзя, особенно въ историческихъ книгахъ, древнихъ Библейскихъ; онѣ всѣ проникнуты однимъ духомъ, однимъ характеромъ; онѣ всѣ писаны по одному методу древней священной исторіографіи; одинаковость словъ и фразъ, равно какъ и неодинаковость, здѣсь имѣютъ мало силы доказательности: и одинъ писатель можетъ употреблять въ извѣстныхъ случаяхъ различные обороты и многіе писатели могутъ любить одни и тѣже фразы. И когда есть болѣе сильныя доказательства на то, что книги имѣютъ различныхъ писателей, то этотъ аргументъ отъ слога мало силенъ противъ этихъ доказательствъ; онъ, говоримъ, имѣетъ силу лишь при сильныхъ другихъ, или при безспорной очевидности. Итакъ, нужно обратиться къ этимъ другимъ. б) Въ отдѣленіи, которое мы приписываемъ Самуилу, иногда употребляется выраженіе *Иуда* и *Израиль*, когда говорится о народѣ Еврейскомъ вообще; этимъ, говорятъ, показывается, что Писатель жилъ послѣ раздѣленія народа Еврейскаго на два царства (1 Цар. 17, 52. 18, 16). Но мы уже замѣчали, что такое раздѣленіе народа восходитъ даже до временъ Навина и Моисея и, слѣдовательно, возраженіе не имѣетъ силы. Далѣе говорятъ, что въ этомъ отдѣленіи употребляется выраженіе *до сего дне*, показывающее отдаленность по времени писателя отъ описываемыхъ событій (5, 5. 6, 18. 7. 12), потому, что онъ нѣкоторые обычаи старается объяснять своимъ читателямъ (9, 9). Но противъ возраженія, заимствованнаго изъ выраженія „до дне сего“ — повторимъ, что несправедливо думать, будто св. писатели—очевидцы записывали событія непосредственно послѣ того, какъ они случились; иначе не было бы даже выраженія—„до дне сего“; если же такъ: то самъ Самуилъ въ послѣднее время своей жизни могъ сказать, что жрецы Дагоновы, по случаю казни надъ ихъ богомъ отъ ковчега завѣта, случившейся еще при Іліи, не входятъ во храмъ бога своего *даже до дне сего*,—что кивотъ завѣта, съ тѣхъ поръ, какъ возвращенъ Филистимлянамъ, находится на селѣ Озіи *даже до дне сего*, и пр.,—объясненіе же обычаевъ устарѣвшихъ ничего не говоритъ въ пользу мнѣнія о позднѣйшемъ описываемыхъ событій вѣкъ писателя, и Самуилъ во всякое время могъ сказать, что прежде было такъ, а теперь такъ, потому что это выраженіе—*прежде* выраженіе неопредѣленное; можетъ быть, такъ было во времена Моисея и Навина и—будто писатель книги Самуилъ не долженъ былъ

употреблять этого выраженія и объяснить, какъ было прежде?—Наконецъ, снося сходныя мѣста изъ первыхъ двухъ книгъ Царствъ и книги Паралипоменонъ, выводятъ отсюда заключеніе, что писатели тѣхъ и другихъ книгъ пользовались одними и тѣми источниками; слѣдовательно, первыя книги Царствъ не принадлежали тѣмъ лицамъ, которымъ приписывается ихъ древнее мнѣніе, а позднѣйшему писателю. Но можно еще спросить, — справедливо ли заключеніе, что они пользовались одними и тѣми же источниками?— Не объясняется ли это сходство тѣмъ, что писатель книги Паралипоменонъ заимствовалъ многое отъ слова до слова изъ нашихъ книгъ Царствъ?— Скажутъ, что такое заимствованіе и повтореніе безцѣльно? Но не все ли равно, если писатель Паралипоменонъ пользовался тѣми же источниками, какими и писатель первыхъ книгъ Царствъ, — безцѣльно было заимствовать первому изъ нихъ то, что уже было у послѣдняго? ибо, по свидѣтельству общему, съ которымъ согласны и сами возражающіе, книги Царствъ первыя явились раньше, чѣмъ книги Паралипоменонъ.—Послѣ всего этого, намъ кажется, что древнее мнѣніе, по которому писатель первой книги Царствъ до 24-й гл.—Самуилъ, а прочее—до конца второй книги принадлежитъ Наоану и Гаду, болѣе, чѣмъ вѣроятно; по крайней мѣрѣ, противъ него нельзя сказать ничего основательнаго.

Если, какъ мы сказали, древнее мнѣніе о томъ, что писатель первой книги Царствъ до 24-й гл.—Самуилъ, а остальной части этой книги и всей второй—его продолжатели, Пророки Наоанъ и Гадъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что противъ него новые изслѣдователи не представили ничего убѣдительнаго, даже сильнаго, да, кажется, и нельзя представить: то вопросъ о достовѣрности описываемыхъ въ нихъ событій, — точно ли такъ они описываются, какъ они происходили, — не можетъ уже имѣть мѣста. — Писатели были очевидцы описываемыхъ ими событій, Пророки, принимавшіе сами дѣятельное участіе въ событіяхъ того времени; достовѣрность ихъ повѣствованій должна стоять выше всякаго сомнѣнія. — Итакъ, намъ остается бросить взглядъ на содержаніе книгъ и способъ повѣствованій потоплику, поколику они вводятъ насъ въ характеръ тѣхъ именно временъ, какія въ нихъ изображаются, поколику указываютъ на тѣ отношенія, въ которыхъ было общество Еврейское того времени, — и тѣмъ еще болѣе подтверждаютъ вѣроятность утверждаемаго мнѣнія, и мы только для опыта обозримъ вкратцѣ первую книгу; вторую, гдѣ описывается царствованіе Давида, не нужно даже обозрѣвать для этой цѣли.

Содержаніе разсматриваемыхъ книгъ вообще весьма тѣсно совпадаетъ съ книгами, описывающими судьбы Еврейскаго народа въ предыдущій и послѣдующій періоды, и вводитъ читателя именно въ тѣ отношенія Еврейскаго общества, которыя должны быть по ходу дѣла въ предыдущія и послѣдующія времена. Повѣствованіе здѣсь болѣе, чѣмъ въ предшествующихъ книгахъ, отрѣшилось отъ лѣтописнаго и перешло въ исторію, и—это совершенно понятно, когда писатели жили въ самый важный періодъ развитія Еврейской народности и умственнаго движенія, когда сами событія шли, такъ сказать, систематичнѣе, вытекая замѣтно одно изъ другаго, когда установилась твердая форма правленія, болѣе организовалась жизнь народа, и когда можно было яснѣе увидѣть отношенія его внутренней жизни и выраженіе этихъ отношеній во внѣшнемъ ходѣ обстоятельствъ. Эти книги и показываютъ, какъ Израиль изъ состоянія рабства, въ которомъ держалъ его, въ его же собственной землѣ, небольшой, но полный жизненныхъ силъ, народъ филистимскій, рядомъ непосредственныхъ Божественныхъ дѣйствій достигъ до самостоятельности и утвердился въ ней тѣмъ, что на мѣсто прежней республиканско-теократической формы правленія ввелъ у себя монархически-теократическую. Этотъ переходъ, этотъ политическій кризисъ Еврейскаго народа, которымъ онъ достигъ своей самостоятельности, укрѣпленія и быстро развитія своихъ жизненныхъ силъ, писатели изображаютъ съ большою обстоятельностью и живостію и—всюду даютъ видѣть важность этой перемѣны, разумѣется, подъ условіемъ, если царь и народъ будутъ держаться закона Іеговы. Это преобразование Еврейскаго народнаго правленія было однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ развитія идеи Моисеева законодательства Государственнаго, и потому Самуилу, главному дѣйствующему лицу въ этой перемѣнѣ, нужно было много мудрой осторожности: иначе эта перемѣна могла сопровождаться величайшимъ зломъ для народа—развитіемъ восточнаго деспотизма, который, въ свою очередь, сопровождается умственною и нравственною тупостію народа и какою-то мертвящею и мертвою неподвижностію; а народъ еврейскій назначенъ былъ не къ тому; въ немъ должна была жить и развиваться великая и живая идея Искупленія. Самуилу, говоримъ, много нужно было мудрой осторожности при этой перемѣнѣ правленія, когда нужно было согласить монархію съ теократіей, и это великое дѣло Великаго Пророка изображено въ книгѣ съ

указаніемъ всей его важности.—Эту перемену производитъ человѣкъ, котораго самое рожденіе чудное предназначало къ великимъ дѣламъ: онъ испрошенъ у Бога пламенною молитвою матери, и рожденіе его привѣтствовано пламенной благодарственною пѣснью; съ юныхъ лѣтъ, безъ его вѣдома, посвященъ Богу и—въ раннемъ возрастѣ удостоивается Божественныхъ откровеній и призванія быть великимъ дѣятелемъ въ Еврейскомъ народѣ.—То было такое время, когда нуженъ былъ Израилю великій человѣкъ, который бы, ставъ во главѣ управленія, произвелъ переворотъ во внутреннемъ и внѣшнемъ бытѣ Израиля: ибо онъ былъ сильно испорченъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи и слабъ, и униженъ. Это уже ясно видно изъ словъ Бога къ Самуилу: „вотъ я скоро сдѣлаю въ Израилѣ нечто такое, яко всякому слышащему сія пошумитъ во обоихъ ушесѣхъ его“ (1 Цар. 3. 11).—Такія слова Богъ изрекалъ лишь тогда, когда намѣренъ былъ казнить народъ за его нечестіе и безпутство (4 Цар. 21, 12. Іерем. 19, 3).—И въ самомъ дѣлѣ, эта крайняя порча народа и его нравственное паденіе не замедлили выразиться очень полно во время войны съ филистимлянами, когда принесли въ лагерь ковчегъ завета, какъ будто насильно хотѣли заставить Іегову помогать имъ, когда Ему не благоугодно дѣлать этого за нечестіе Израиля. Слабый первосвященникъ Илій согласился на безумное требованіе народа и еще болѣе увеличилъ свою виновность предъ Богомъ, которая и такъ уже возбуждала страшныя угрозы: *воздвигну на Илія, говоритъ Іегова, вся елика глаголахъ на домъ его, начну и скончаю; не очистится неправда дому Іліина въ кадилахъ и жертвахъ его до вѣка.*—Таковъ, по суду правды Божіей, былъ глава, Судія и Первосвященникъ народа.—Что же сказать о другихъ?—Его непосредственные помощники въ дѣлѣ служенія, дѣти, дѣлали срамъ и соблазнъ, не унимаемые слабымъ отцемъ,—*и бѣ предъ Господемъ грѣхъ отроковъ велий зло;* они были, какъ замѣчаетъ Писатель, *сынове погибельнии, не видуща Господа, ни оправданія жреческа предъ людьми вѣстми жрущими,* и Іегова говорилъ Самуилу: *отмицу азъ на домъ его, т. е., Илія, до вѣка въ неправдахъ сыновъ его, о нихъ же видяше, яко злословиста Бога сынове его и не наказа ихъ* (1. 3, 12). Къ Еврейскому народу тогдашнему можно было приложить слова пророка: *отъ ногъ даже до главы, отъ самыхъ послѣднихъ изъ народа до Судіи и Первосвященника, нѣсть въ немъ цѣлости.* Нуженъ былъ, значить, человѣкъ,

который бы произвелъ коренной переворотъ въ народѣ и—такимъ явился Самуиль; отъ этого получаютъ достовѣрность всѣ сказанія о чудесномъ его рожденіи и воспитаніи; ихъ требовала историческая необходимость, чтобы народъ могъ довѣрять великому Судіи. Самуиль управляетъ народомъ съ судомъ и правдою, такъ что народъ въ послѣдствіи не имѣлъ ничего сказать противъ него. Но при старости его, дѣти его, которымъ онъ ввѣрилъ управление народомъ, не пошли путемъ его, и въ нихъ отразился характеръ дѣтей Иліевыхъ. По всей вѣроятности, уже прежніе безпорядки правительственныхъ лицъ произвели въ народѣ недовѣріе къ этой формѣ правленія, и постоянныя угнетенія сосѣдей выработали въ нихъ идею царства и царя; поведеніе дѣтей Самуила было ближайшимъ поводомъ къ выраженію неудовольствія на Судей и требованію себѣ Царя. Закону не противно было это требованіе; но—это былъ *лукавый глаголъ предъ очима Самуила*: такъ какъ это требованіе означало недовѣріе къ Самуилу и—недовѣріе къ Самому Богу, Который такъ могуче являлъ мышцу свою въ Самуилѣ. Такъ и Богъ принялъ это, когда Самуиль спросилъ Его объ этомъ; но требованіе народа было не укротимо. Мудрая осторожность Самуила побуждаетъ его представить невыгоды царской власти, въ тогдашнемъ положеніи его, для предостереженія царей и народа, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но—царь избирается, является въ повѣствованіи другая личность, около которой все группируется, и судьбы которой изображаются до конца первой книги. Это лице въ своей судьбѣ, по необходимой исторической послѣдовательности, ясно показало народу и выгодную, но болѣе и не выгодную сторону переменъ правленія и оправдало въ глазахъ народа противленіе Самуила и оскорбленіе Бога. Такъ какъ это избраніе было дѣломъ Божиимъ: то въ повѣствованіи оно изображено подробно и съ посторонними обстоятельствами, и въ частныхъ чертахъ этого повѣствованія выражается именно духъ того времени, а не другаго. Въ народѣ мысль о царѣ и царствѣ не могла выработаться вдругъ во всей полнотѣ, и очень естественно, что сначала она движется еще на вѣѣшности, и вотъ, когда избранный показанъ былъ народу, народъ восхищается лишь его вѣѣшной красотой и дородностію; въ этомъ фактѣ ясно выразилась, какъ еще не выработана была мысль народа о царствѣ; онъ не думаетъ о способности избраннаго къ правленію, не узнаетъ о его духѣ и характерѣ, а поражается

лишь вѣшнимъ дородствомъ съ шумными кликами: „да живеть нарь!“ Сауль началъ свое царствованіе блестящими побѣдами надъ врагами; и опытъ не замедлилъ показать, какое зло можетъ происходить, если царь будетъ уклоняться отъ требованій Закона Іеговы и будетъ противопоставлять свою царскую власть идеѣ теократіи: по случаю самовольнаго жертвоприношенія и также самовольной пощады царя Амаликскаго, вопреки требованію Божію, Сауль лишился покровительства Божія, духъ Іеговы оставилъ его и— онъ впалъ въ сильную меланхолію; народъ началъ снова страдать отъ набѣговъ иноплеменничьихъ; царь оказался такъ недостойнымъ царства, что Самуиль плакалъ о немъ и о народѣ. Такая судьба перваго царя давала понимать Израильтянамъ, что они тогда только могутъ быть спокойны съ своимъ царемъ, когда и тотъ и другой исполняютъ волю Божію; но какъ это трудно, показываетъ примѣръ Саула, который, не смотря на то, что былъ подъ непосредственнымъ водительствомъ великаго Пророка, не смогъ и не сумѣлъ согласить требованій монархіи съ требованіемъ теократіи и былъ однимъ изъ несчастныхъ царей народа Еврейскаго. При жизни еще его оказалось необходимымъ избрать другаго царя, и вотъ начинается ненависть Саула къ своему юному сопернику, описаніе которой составляетъ вторую половину первой книги. Такимъ образомъ, общее содержаніе книги, своимъ отношеніемъ къ предшествующимъ обстоятельствамъ и современнымъ потребностямъ народа, своимъ полнымъ совпаденіемъ съ ними вполне ручается за достовѣрность всего описаннаго въ ней. То же должно сказать и о второй книгѣ, въ которой подробно описываются дѣла Давида; входитъ въ подробности здѣсь считаемъ излишнимъ.

Та же печать истины лежитъ и на всѣхъ частностяхъ, входящихъ въ предметъ повѣствованія.—Разговоръ Илія съ Анной и Самуиломъ, Саула съ своими рабами и Самуиломъ, Давида съ своими старшими братьями, Сауломъ и Голіаѳомъ, Ионаѳана съ Сауломъ и Давидомъ, Іоава съ Давидомъ и пр., такъ характеристичны для означенныхъ лицъ и въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ они поставлены, что нельзя не признать, что они сообщены именно такъ, какъ происходили.— То же должно сказать о пророческихъ рѣчахъ, содержащихся въ книгѣ, какъ-то: рѣчи неизвѣстнаго пророка къ Ілію (2, 27), о рѣчахъ Самуила къ народу, Саулу и Давиду и пр.— Поступки ихъ имело таковы, каковы должны быть поступи-

ки людей, въ ихъ положеніи.—Вообще, всѣ частности—такого рода, что доказывать ихъ полную историческую достовѣрность и подлинность было бы совершенно излишне; они сами говорятъ за себя.

Текстъ разсматриваемыхъ книгъ сохранился чистымъ и имѣеть мало различныхъ чтеній; болѣе важное отступленіе LXX-ти отъ Еврейскаго текста то, что въ 6-мъ ст. 5-й гл. прибавлена вторая половина стиха; и потомъ еще—въ 13-й гл. 1 ст. сказано, что Саулъ былъ одного года, когда началъ царствовать, вмѣсто того, чтобы сказать 30 лѣтъ; впрочемъ, этотъ стихъ читается различно въ различныхъ переводахъ.—Другія не многія разности не значительны.

V. О третьей и четвертой Книгахъ Царствъ.

Третья и четвертая книги Царствъ, какъ мы упоминали уже, первоначально составляли также одну книгу, какъ и первыя двѣ, подъ названіемъ сперва *Wehamelech David*,—по начальнымъ словамъ книги, потомъ подъ названіемъ *Melachim* или *serpher melachim*,—потому что въ нихъ описываются судьбы Еврейскаго народа подъ управленіемъ царей, отъ Соломона до разрушенія царства или до времени плѣна.—Во времена Оригена и Иеронима Еврейскія рукописи содержали эти книги еще не раздѣленными на двѣ, когда онѣ раздѣлены, не извѣстно; въ печатное изданіе Еврейской Библии въ первый разъ раздѣленіе было внесено нѣкимъ Данииломъ Бомбергомъ,—около половины 16 в.

О дѣли и характерѣ послѣднихъ двухъ книгъ Царствъ между историками и экзегетами появлялись мнѣнія, по видимому, правдоподобныя, но на самомъ дѣлѣ неправильныя и одностороннія, бросающія ложный свѣтъ на изображеніе исторіи въ книгахъ Царствъ, а потому требующія разсмотрѣнія.—Одинъ изъ очень уважаемыхъ Западныхъ писателей, дѣлаетъ такой отзывъ о дѣли и характерѣ этихъ книгъ: „всякій внимательный читатель не можетъ не замѣтить, что главный предметъ этихъ книгъ составляетъ повѣствованіе о чрезвычайной дѣятельности Пророковъ въ Еврейскомъ Государствѣ и ихъ чудесахъ“.—По этому взгляду, писатель не имѣеть въ виду представить повозможности полную политическую исторію Еврейскаго Царства въ избранный періодъ, а потоліку лишь допускаетъ ее въ своей книгѣ, поколику она служитъ поясненіемъ дѣятельности Пророковъ въ продолженіе